

Владимир МОРОЗОВ

Владимир Морозов родился в 1958 году в Якутии. В 1980 году закончил геологический факультет Саратовского госуниверситета. Публиковался с 1985 года в журналах «Литературная Грузия», «Новый журнал», «Волга», «Последний экземпляр». Автор книг стихотворений «Холодный воздух» (Саратов: Контрапункт, 1998) и «По дороге к декабрю» (Саратов: Музыка и быт, 2018). Живет в Саратове и Санкт-Петербурге.

ЛЕГКИЕ ГОЛОСА

Когда болезненно тревожит
Приснившийся под утро сон –
Как хорошо, что день не прожит,
И даже не начался он.

Цикорий утренней прохлады
И купы мокрых фонарей
Бредут неспешно вдоль ограды
К калитке запертой моей.

Наверно, всё не так уж скверно,
Коль повторяешь наизусть:
«Приеду осенью, наверно,
А может, вовсе не вернусь».

С самым собою в разговоре
Твердишь, пока не надоест:
«Обида – данница неволи,
Да и вообще – тяжёлый крест.

В минуту позднего ненастья,
На грани мглы сторожевой,
Мы снова станем безучастны,
Сливаясь с палою листвой»...

А за окном светлеют пятна
Осенней влажной желтизны,
Как будто дни пошли обратно
И ничего нам не должны,

Беженцы

Виолончель соседской пилорамы
Становится почти что не слышна,
Когда восходит за оконной рамой
Холодная осенняя луна.

И в горьком послевкусии заката,
И в розовом свеченье тишины,
Есть многое, что знали мы когда-то,
И многое, что знать мы не должны:

Мы постигали тайны уравнений,
Которые не надо постигать,
Записывая имена растений
В потрепанную общую тетрадь...

А в сентябре заилило колодцы,
И мы, оставшись в осень без воды,
Уходим за полночь, устав бороться,
Не оставляя на земле следы.

Не сознавая тяжести потери
В саду осеннем нас с тревогой ждут
Обломанные ветки – подмастерья
Томительных медлительных минут.

И мелкий дождь, мерцающий над лесом
И падающий на ночной пустырь,
Нам стал теперь совсем не интересен
Как собеседник или поводырь.

Дачники

Накануне осенней тревоги
Возвращаясь под вечер домой –
Осторожней на сельской дороге:
Здесь машины гоняют порой.

В серой дымке застывший посёлок.
Листья жгут за забором глухим.
В ожидании дней невесёлых
По земле расстилается дым.

Соглядатаи местного бога,
Соплеменники долгих минут,
Две вороны стоят у порога
И чего-то томительно ждут.

Дым плывёт по деревьям и крышам,
Застилает пустые дома...
Нищета попрошайек бесстыжих
Потихонечку сводит с ума.

Хорошо, что посёлок безлюден,
Потому что осенней порой
Устаёшь от суровости судей,

Что пришли в темноте за тобой.

В стране погибшей саранчи
И горько пахнувшей полыни
Ночами воронье кричит
И свет под фонарями стынет.

Цинизма ветра и тоски
Насельники и лицемеры –
Бредут деревья вдоль реки
И ветер слабо пахнет серой.

Угадывая каждый шаг,
Им в ноги стелется незримо
Холодный воздух, твёрдый как
Ступени Иерусалима.

– Мы к вам приходим по ночам
И осторожно смотрим в окна –
Вода стекает по плечам,
В ночном саду земля намокла,

И наступила тишина,
Как будто ангелы ночные,
Влетая в спящие дома,
Сломали каменные крылья.

Накануне холодной погоды,
На исходе осеннего дня,
Водят листья свои хороводы
И кричат, что узнали меня:

– Мы летим по осеннему скверу,
По аллее пустой, сверху вниз,
Где деревьев прозрачные сферы
В тёмном воздухе пересеклись.

Мы давно за тобой наблюдаем,
Мы украли твои дневники,
И укрывшись за старым сараем
Прочитали четыре строки –

Ты живёшь в невеликом пространстве
Одиночества, бед и забот,
И в историю северных странствий
Не записан твой маленький флот!

У бормочущего водостока,
В дождевой отражаясь пыли,
Притулилась больная сорока...
Ничего больше не говори –

Подожди до рождественской ночи,
Когда ты будешь счастлив вполне,
Когда снега прозрачные клочья
Отразятся в закрытом окне,

Когда тени декабрьской вьюги
Полетят вдоль железных ворот,
Словно лёгкие зимние духи,
Разорвавшие старый блокнот...

31 декабря

Лиловой лёгкой краской
Окрашен небосвод.
Наверно, не напрасно
Приходит Новый год –

Туманный и морозный
Приходит выходной,
И мы не слишком поздно
Идём к себе домой.

Сквозь пелену разлуки,
Сквозь снег над головой,
Слышны ночные звуки,
Кларнет или гобой:

«Раздроблен мир на части,
Как битое стекло,
Но наше время, к счастью,
Ещё не истекло.

Мы к вечеру забыли,
Как бесконечным днём,
Взлетали клубы пыли
Под ледяным дождём,

И снова захотели
Понравится не вам,
А солнцу и метели,
И северным ветрам...»

Узнать немного о себе,
Живущем в темном серебре,
За зыбкой гранью зазеркалья,
О том, который в Новый год
Пешком по улице идёт,
Сбежав от нас, пока мы спали.

Перерождение – не смерть.
Пока горит неяркий свет,
Меняя очертанья улиц,
Входи скорей и дверь закрой,
Пусть зимний дождь над головой
Шумит, пока мы не проснулись.

Душа, не мокни под дождём!
Скорей вернись в наш спящий дом
И до утра останься с нами,
Покуда длится Новый год,
Покуда флейта и фагот
Еще слышны за облаками...

Белой ложки колыханье
В темном мареве стакана.
Темнота в оконной раме,
Потому что ещё рано.

Зимний ветер заполошный,
Прекрати в окне двоиться!
Неужели это сложно –
Рассказать, что ты не птица?

Это ты, январский ветер,
К нам забрёл по бездорожью,
Потому что жить на свете
Стало просто невозможно –

Подожди чуть-чуть, признайся,
Расскажи, что ты не ворон –
Просто голос твой сорвался
В нашем климате суровом,

Просто где-то в зазеркалье,
Где-то там, за облаками,
Мы ещё не перестали
Видеть свет в оконной раме –

Где-то там, на белом свете,
За туманным небосводом,
Мы, как маленькие дети,

Прячемся от непогоды.

И, сбежавшие с уроков,
На соседней старой даче,
Пушкин, Гоголь и Набоков
О делах своих судачат.

Осыпается солнце в конце потемневшей аллеи,
Потому что дожди льют четвёртые сутки подряд,
Все равно, вопреки обещаниям местных свирелей,
Потихоньку кончается вечно простуженный март.

Потихоньку сбиваются ночью солёные пятна
С неначавшейся жизни жасмина, сирени и роз...
Что останется, что? Невозможно и невероятно,
Что мы скоро уйдём, а под утро ударит мороз.

Что ты хочешь сказать? Неужели напрасно все это,
Словно свет непогашенной лампы, роняющий тень?
Запечатаны кровью упавшие с неба предметы:
Нераскрытые розы, жасмин, барбарис и сирень...

В пустом больничном коридоре
Ночные дуют сквозняки –
Тишайшие, как разговоры
На берегу большой реки.

Чередованье слов и пятен,
Зиянье пауз и пустот...
И ход леченья непонятен,
И врач, наверное, не тот.

Уже не сильно и волнует
То, что в палате гаснет свет –
Из незакрытых окон дует,
А воздуха как будто нет –

Жизнь кажется такой короткой
В бреду бессонницы моей...
Ночной весны прозрачной водкой
Полны графины тополей.

В седьмом часу уже светает,
Хотя фонарь ещё горит.
И мой сосед не умолкает –
Всё сам с собою говорит.

Мы сделали блестящую карьеру
Когда случайно разрешили дождь,
Но вскоре стало холодно не в меру
И очень шумно – слов не разберёшь.

Что толку нам от наших поражений,
Когда не знаем мы других побед –
Как будто нас выводит местный гений,
Взяв за руку, из темноты на свет.

По вечерам к нам кошки ходят в гости,
А рано утром плачет за окном
Жасмин – цареубийца на погосте,
Осыпанный ненужным серебром.

Холодный свет, завёрнутый в бумагу,
Ночные тени режет, как ножом,
Туман к реке стекает по оврагу,
И чайка в нашем небе небольшом

Сложила крылья и парит над чащей,
Закону тяготенья вопреки,
Как этот дождь – безумный, говорящий,
Застывший над поверхностью реки...

Я не могу быть лучше или хуже,
Но я могу быть больше, чем ничто.
Душа – собака, пьющая из лужи –
Не видит отраженья своего.

Какими-то безумными кругами
Ложится дождь на дерева в саду,
Как будто время расстаётся с нами
И, уходя, бормочет на ходу,

Что не желает видеть нас отныне,
Поскольку очень много пауков
На розах, вишне, сливе и малине,
Что чай ещё, наверно, не готов,

Что много змей, что всю траву скосили
Вдоль берега реки, но если дождь
На два часа избавит нас от пыли,
То вечер будет сказочно хорош –

И снова возвращается обратно,
В калитку входит, на крыльце стоит...
А вечером становится прохладно,
И пёс, в загоне запертый, скулит.

– Прочь гони дурные мысли –
Видишь: в утреннем тумане
Брызги мокрые повисли
На полуоткрытой раме.

– В нашем диком захолустье,
Там, где жили мы когда-то,
Нам хватало зимней грусти
В позднем мареве заката.

Всё, что знали мы с тобою,
Нынче, на исходе лета,
Стало бледной синевою
В раннем мареве рассвета,

Стало дождиком и эхом,
Словно около калитки
Бродит постаревший Чехов,
За ночь вымокший до нитки...

Легкие голоса

– Бог строит муравейники в лесу –
Как будто мальчик со стеклянной флягой,
Держа отца дыханье на весу,
Бежит сквозь дождь с весельем и отвагой.

– Вот так теряют душу или сон,
Как будто это свет над головою,
Как будто дождь летит со всех сторон...

– Не огорчайся: дело наживное!
Продай и нам немного чепухи
Свободомыслия и лёгкой лени,
Прости нам наши прошлые грехи –
Хотя бы накануне воскресенья!

– Но этого не может быть вообще!
Да, да, не может! Что бы ни твердили
Нам эти сосны мокрые в дожде
И бабочки сухие в паутине...